

Ты шла за мной подъ тѣнію дубровной,
 Была со мной... и я нашъ міръ духовный
 Не промѣнялъ на счастливый земной!..

И сколько разъ надъ нѣжной Элоизой
 Я находилъ прекрасную въ слезахъ,
 Иль, затая дыханье на устахъ,
 Во тѣмъ ночей стерегъ ее въ волнахъ,
 Гдѣ иногда, подъ сумрачною ризой,

Бѣла, какъ снѣгъ, волшебныя красы
 Она струямъ зеркальнымъ предавала,
 И между тѣмъ стыдливо обнажала
 И грудь, и станъ, и вѣтромъ развѣвало
 И флеръ ея, и черныя власы...

Смертельный ядъ любви неотразимой
 Меня терзалъ и медленно губилъ;
 Мнѣ снова міръ, какъ прежде, опостылъ...
 Быть-можетъ... Нѣтъ, мой часъ уже пробилъ,
 Ужасный часъ, ничѣмъ неотвратимый!

Зачѣмъ гнѣвить безумно небеса?
 Ея ужъ нѣтъ!.. Она цвѣтеть и нынѣ...
 Но гдѣ?.. для чьей цвѣтеть она гордыни?
 Чей ѳиміамъ курится для богини?..
 Скажите мнѣ, о, черныя глаза!

ГРУСТЬ.

На пиру у жизни шумной,
 Въ царствѣ юной красоты,
 Рвалъ я съ жадностью безумной
 Благонныя цвѣты.
 Много чувства, много жизни
 Я роскошно потерялъ —
 И душевной укоризны,
 Можетъ-быть, не избѣжалъ.
 Отчего-жъ не съ сожалѣньемъ,
 Отчего — скажите мнѣ —
 Но съ невольнымъ восхищеньемъ
 Вспомнилъ я о старинѣ?
 Отчего же локонъ черный,
 Этотъ локонъ смоляной,
 День и ночь, какъ духъ упорный,
 Все мелькаетъ предо мной?